



## Наследие князя Владимира в XIX-XX веках

*Сухова Н. Ю.*

### **Крещение святого князя Владимира и Русской земли: научно-критическое осмысление русским «школьным» богословием (1880-1910-е гг.)**

Главное событие в истории Православной Руси, создавшее ее как таковую и определившее ее дальнейший путь, а также личность главного виновника этого события – святого князя Владимира – осмысливались русскими «книжниками», начиная с самого этого события. Довольно вспомнить труды, современные самому святому князю – «Слово о Законе и Благодати» святого митрополита Илариона, «Память и похвалу Владимиру» мниха Иакова, «Чтение о Борисе и Глебе» святого Нестора и вариации жития последующих летописцев. И в дальнейшем, особенно в моменты кризисов и переломов, заставлявших искать опоры в родной духовной традиции, Крещение и креститель Руси вновь привлекали внимание пишущих соотечественников. Актуальной оказалась эта тема и в эпоху Нового времени. Так, в самом начале XVIII в. святитель Димитрий Ростовский составил современный вариант жития святого князя, а Феофан (Прокопович) – будущий архиепископ и сподвижник Петра – еще в годы преподавания пиитики в Киевской академии написал трагикомедию «Владимир» (1706), с успехом поставленную его студентами. Пафос христианского просвещения, неразрывно связанный с личностью святого князя, был особенно значим в свете начавшихся преобразований Петра, подкрепляя и даже обосновывая последние древним авторитетом.

Интерес к личности святого Владимира усилился в конце XVIII – начале XIX в. Так, в 1772 г. Яков Княжнин дал свое видение событий, связанных с принятием святым князем христианства, в кровавой драме «Владимир и Ярополк». Однако доминирующая тенденция романтического восприятия родной старины, да и личность князя Владимира определялась былинными чертами «Красного солнышка», окруженного богатырями, сказочными красавицами и чудовищами – достаточно вспомнить «Руслана и Людмилу» (1820) А. С. Пушкина. Разумеется, реализация этих тенденций была более или менее талантливой

ва в зависимости от автора, однако подвести итог этому периоду можно словами В. А. Жуковского, связанными с планируемой, но не написанной им поэмой о князе Владимире: «Сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие. Поэма будет не историческая, а то, что немцы называют *romantisches Heldengedicht*; следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею, постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера, времени, мнений...»<sup>1</sup>.

Однако «историческое вероятие» должно было потребовать своей правды, и события, связанные с началом христианства на Руси, как и личность главного их виновника, предполагали в дальнейшем доскональное научное изучение. Конечно, главную ответственность за это изучение чувствовала «духовная наука», в которой церковная история с начала XIX в. заняла твердое положение, а к середине века – одно из важнейших мест. Однако если в ранней истории Русской Церкви к этому времени наметилась широкая палитра исследовательских проблем, то их изучение в свою очередь породило множество методологических проблем и дискуссий. Последним и посвящена данная статья, при этом круг авторов будет ограничен представителями духовно-академической церковной истории. Разумеется, совершенно изолировать их от круга исследователей из университетов и Академии наук, не учитывая общих тенденций в исторической науке, было бы некорректным, однако наряду с этим следует учитывать и тенденции в богословской науке и духовной школе, в недрах которой формировались наши герои.

Вопросы, связанные с Крещением Руси, приобрели богатую историографию и в последние десятилетия – особый всплеск исследовательской активности был обусловлен празднованием 1000-летия Крещения<sup>2</sup>. Однако, хотя 1988 г. можно считать переломным моментом в отношении к наследию дореволюционной церковной истории, вся эта богатая традиция по понятным причинам не могла быть учтена в то время полноценно. В последующие годы дореволюционные авторы

---

<sup>1</sup> Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич. М., 2009. С. 618.

<sup>2</sup> Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988; Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988; Кузмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988; Русское Православие. Вехи истории / Под ред. А. И. Клибанова. М., 1989 и др.

привлекали все большее внимание<sup>3</sup>. Но ныне празднуемое 1000-летие блаженной кончины святого крестителя Руси настоятельно требует пристального внимания к ценному опыту нашей церковно-исторической традиции, его достижениям и его проблемам.

Основное внимание в статье обращено на 1880-1910-е гг. – период наивысшего подъема в критическом изучении ранней истории Русской Церкви. Однако для понимания проблем и дискуссий этого периода в указанной области следует иметь в виду несколько общих моментов, связанных с развитием церковной истории предшествующих лет. Во-первых, церковная история, как при самом своем введении в учебные планы духовных школ в конце XVIII – начале XIX в., так и в дальнейшем, очень непросто определяла свое место в палитре «духовной учености»: ее относили то к историческим, то к богословским дисциплинам<sup>4</sup>. Разумеется, с этими колебаниями была связана и методологическая неоднозначность. Первый преподаватель церковной истории СПбДА – будущий митрополит Филарет (Дроздов) – настаивал на неразрывной связи богословско-догматического и исторического аспектов Церкви, подразумевающей тщательное изучение обоих, причем с осмыслением этой связи на каждом новом этапе научного развития<sup>5</sup>. Во-вторых, выделение русской церковной истории в качестве особого учебного и ученого направления, произошедшее в 1840-50-х гг.<sup>6</sup>, поста-

<sup>3</sup> Беляев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 9 кн. Кн. I. М., 1994. С. 33-80; Минин И. В. Крещение Руси в трудах отечественных историков XVIII – начала XX веков. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 1999 и др.

<sup>4</sup> Эта неоднозначность проявилась в процессе проведения радикальной реформы духовного образования 1808-1814 гг.: если в проекте реформы 1808 г. церковная история была отнесена к классу *исторических наук*, то уже в 1810 г. она была определена *богословской дисциплиной* (Именной, данный Синоду указ от 26 июня 1808 г. «Об усовершеннии духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства. § 50, 83 // ПСЗ I. Т. XXX. СПб., 1830. № 23122. С. 386, 389; РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. Об изменении порядка учения в Санкт-Петербургской духовной академии. Л. 59 об.).

<sup>5</sup> [Филарет (Дроздов), архим.] Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви. СПб., 1815. Цит. по: Филарет (Дроздов), митр. Творения. М., 1994. С. 407, 448–449.

<sup>6</sup> Разумеется, вопросы русской церковной истории затрагивались и ранее: отчасти в трудах русских историков XVIII в., которых трудно отнести собственно к церковным (В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина), и специально – в «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина), написанной в противовес указанным историкам, которые, с его точки зрения, писали «единственно

вило новый вопрос, особенно важный для раннего русско-христианского периода: о самостоятельности и побуждениях отечественных деятелей – прежде всего, самого князя Владимира – в принятии христианства<sup>7</sup>. Наконец, в-третьих, в 1860-70-х гг. русское богословие – и прежде всего, церковная история – были охвачены «историко-критическим порывом», отчасти зафиксированным и подкрепленным новым Уставом духовных академий 1869 г.<sup>8</sup> Разумеется, усиление научно-критических тенденций влекло за собой пересмотр – иногда радикальный и довольно жесткий – сложившихся концепций, казалось бы, установленных фактов и достоверных источников. Весь этот опыт – очень неоднозначный – неизбежно сказался на изучении раннего этапа православия на Руси в конце XIX – начале XX в.

Разумеется, вопросы, связанные с началом христианства на Руси – хождение апостола Андрея, крещения русских до святого Владимира, обстоятельства крещения самого князя Владимира и всей Руси, личности первых иерархов – подвергались изучению и в первой половине XIX в., причем нередко с критическим элементом. Так, еще в вопрошаниях митрополита Платона по поводу повествований о проповеди апостола Андрея и рассуждениях относительно принятия князем Владимиром

---

о делах гражданских, а о церковных или ничего, или весьма мало, – и то случайно, а не по порядку течения времени и дел» (*Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история, сочиненная преосвященным Платоном, митрополитом Московским в Вифании: В 2 т. Т. II. М., 1805. С. 55). Были и другие попытки составления истории Русской Церкви (архиепископа Московского Амвросия (Зертис-Каменского), законоучителя Московского университета протоиерея Петра Алексеева), и работы по конкретным вопросам русской церковной истории, начиная с «Schediasma Litterarium de Scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiae illustrarunt» (1736) и неопубликованной «De Rossorum Hierarchia» Адама Селлия (в монастыре Никодима) и продолжая «Историей российской иерархии» (1807-1815) преосвященного Амвросия (Орнатского) и трудами митрополита Евгения (Болховитинова). Но и в московских школах митрополита Платона, и некоторых семинариях конца XVIII в., и в рамках Устава 1814 г. русская церковная история была лишь разделом в общей церковной истории; в 1841 г. КДА, а вслед за ней и другие академии, выделила русскую церковную историю из общей церковной истории, соединив ее в одну кафедру с русской гражданской историей.

<sup>7</sup> Следует учитывать ряд важных тенденций, характерных для этих лет: начало обработки русских церковных архивов и общий пафос «православия и народности» в их неразрывном соединении, «восточный вопрос» и желание определить место и значение Русской Церкви в Православии; приводившие к тому же желанную контакты с западными конфессиями.

<sup>8</sup> Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ II. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556.

восточного христианства, изложенных в «Краткой церковной российской истории»<sup>9</sup>, можно уловить зачатки критического подхода к источникам. Желание критически проверить все факты начального периода христианства в Киеве и опираться только на подлинные документы можно усмотреть и в изучении митрополитом Евгением (Болховитиновым) истории киевской иерархии<sup>10</sup> и его стремлении привлечь к изучению сохранившихся источников преподавателей и студентов КДА. Хотя, разумеется, говорить о критическом подходе к самим источникам в этом случае вряд ли уместно. Определенную оппозицию в решении вопросов, связанных с Крещением Руси, заняли авторы двух масштабных «Историй Русской Церкви» – архиепископ Филарет (Гумилевский) и митрополит Макарий (Булгаков)<sup>11</sup>. Так, если преосвященный Филарет указывал на шаткость сведений о просвещении Руси апостолом Андреем<sup>12</sup>, преосвященный Макарий воздвигал апологию апостольскому хождению на Русь<sup>13</sup>. Следует обратить внимание на развитие историко-критической тенденции: апологетическая позиция и недостаточная критичность последнего по отношению к источникам вызвала ироничное замечание преосвященного Филарета: «о. Макарий забавляет... пустыми догадками о проповеди апостола Андрея Славянам»<sup>14</sup>.

Но все элементы критического подхода поблекли в сравнении с церковно-историческими баталиями 1880-х и последующих годов. В декабре 1880 г. при защите профессором Московской Духовной Академии Е. Е. Голубинским докторской диссертации – в качестве таковой была представлена 1-я часть 1-го тома «Истории Русской Церкви»<sup>15</sup> – разгорелась жаркая дискуссия по поводу «излишнего крити-

<sup>9</sup> Платон (Левшин), митр. Краткая церковная российская история: В 2 т. М., 1805. С. 11-13, 22-27.

<sup>10</sup> Евгений (Болховитинов), митр. 1) Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825; 2) Киевский месяцеслов с присовокуплением разных статей, к российской истории и Киевской иерархии относящихся. Киев, 1832; 3) Историческое исследование об иерархах Российской Церкви. Киев, 1834.

<sup>11</sup> Филарет (Гумилевский), еп. История Русской Церкви: В 5 ч. М.; Рига, 1847-1848; Макарий (Булгаков), архим. 1) История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1846; 2) Взгляд на историю Русской Церкви до нашего времени. СПб., 1847.

<sup>12</sup> Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Ч. I. М., 1888<sup>5</sup>. С. 17-18.

<sup>13</sup> Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 9 кн. Кн. I. М., 1994. С. 91-97.

<sup>14</sup> Письмо епископа Филарета к А. В. Горскому от 30 июля 1848 г. // Прибавления к Творениям святых отцов. 1885. Ч. XXXVI. Кн. 3. С. 142.

<sup>15</sup> Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1880.

цизма» в церковно-исторических исследованиях. И наиболее значимыми «камнями преткновения» стали ранние этапы христианского просвещения Руси, ибо автор диссертации стоял на радикальной точке зрения, не только решительно отвергая «сказание о посещении Руси апостолом Андреем», но подробнейшим образом критически пересматривая источники, свидетельствующие о крещении Аскольда и Дира, святой княгини Ольги, святого князя Владимира, начале русской митрополии, крещении разных областей Руси<sup>16</sup>. В знаменитом летописном повествовании об обращении князя Владимира и Киевской Руси Голубинский вовсе отвергал, как логически невозможную и противоречащую другим источникам, первую часть – о посольствах к князю Владимиру и от него; вторую – о крещении князя и Руси – корректировал по дате и месту крещения. Сопоставляя источники, Е. Е. Голубинский считал неверным отождествление «русов», нападавших на Константинополь в 860-861 гг. (именно эту датировку он противопоставлял ранней – 866 г.) и принявших крещение с Аскольдом и Диром, хотя и не давал иного четкого ответа<sup>17</sup>; отвергал крещение княгини Ольги в Константинополе в 857 г., считая более вероятным ее крещение в Киеве в более раннее время<sup>18</sup>; переносил крещение князя Владимира в Киев или Васильков и на 987 г.<sup>19</sup>, крещение Киевской Руси – на 990 г.; утверждал, что первым митрополитом Киевским был не Михаил, а Леон или Лев, приехавший на Русь на третий год после взятия Владимиром Корсуни<sup>20</sup>.

Следует отметить, что диссертация предварялась научной командировкой Е. Е. Голубинского в греческие и славянские земли, что дало возможность не только поработать с источниками, недоступными в России, но и в целом вписать историю Русской Церкви в более широкий контекст, а русские источники скорректировать по греческим, славянским, арабским и западным. Хотя в процессе написания диссертации Голубинский публиковал статьи<sup>21</sup>, представление фундаментального исследования было громким событием. Оппоненты, по до-

<sup>16</sup> Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1997. С. 19-394.

<sup>17</sup> Там же. С. 35-49.

<sup>18</sup> Там же. С. 74-84.

<sup>19</sup> Там же. С. 106-131.

<sup>20</sup> Там же. С. 276-282.

<sup>21</sup> Голубинский Е. Е. 1) Христианство в России до Владимира Святого // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Т. 187. № 9. Отд. 2. С. 46-84; № 10. Отд. 2. С. 133-169; 2) Обращение всей Руси в Христианство Владимиром и совершенное утверждение в ней христианской веры при его приемниках // Там же. 1877. Т. 190. № 3. Отд. 2. С. 100-163; Т. 191. № 5. Отд. 2. С. 26-47.

стоинству оценивая титаническую работу Е. Е. Голубинского по внешней и внутренней критике источников, замечали, что он представил не курс церковной истории, а мастерскую историка. Разбив существующую доселе историю Русской Церкви – пусть и не совершенную, но целостную – на элементарные составляющие, он так и оставил ее в «рабочем состоянии», не предложив нового варианта<sup>22</sup>. История переставала быть таковой, однако в этом была принципиальная позиция Е. Е. Голубинского: он был убежден, что на данном этапе «настоящей истории нет» и не может быть, возможна только добросовестная критическая работа – на перспективу, для будущих историков. Кроме того, он считал совершенно неуместным о чем-либо «благодарственно умалчивать» из патриотических или профессиональных соображений: «История не должна быть панегириком, иначе она потеряет смысл: историк должен изображать все, что было и хорошее и дурное»<sup>23</sup>.

Представление докторской диссертации Е. Е. Голубинского и связанные с ней дискуссии были знаковым моментом эпохи и в определенном смысле переломным моментом. Последующая реакция научного сообщества на пересмотр Голубинским многих привычных фактов и на его исследовательское кредо в целом была положительна, хотя соглашались и не со всеми выводами. Так, профессор КДА И. И. Мальшевский писал диссертанту вскоре после диспута: «это – монументальный труд, это – эпоха в нашей исторической науке. Удивляюсь Вашему подвигу, не радуюсь только, а торжествую за русскую науку вообще и академическую, в частности»<sup>24</sup>. Но замечал и неизбежность неоднозначной оценки: «Найдете многих самых глубочайших почитателей, но нет сомнений, что будете иметь и противников. Такова судьба именно сильных создателей научных, открывающих новые истины, разрушающих давние привычные мнения, взгляды»<sup>25</sup>. В 1882 г. И. И. Мальшевский опубликовал заметку, в которой еще раз подчеркивал полезность аналитического подхода Е. Е. Голубинского, остро ставящего вопросы, даже не имеющие точного ответа<sup>26</sup>. Однако к лето-

---

<sup>22</sup> Докторский диспут Е. Е. Голубинского в Московской духовной академии // Православное обозрение. 1881. Т. I. № 1. С. 158–163.

<sup>23</sup> Там же. С. 151–154.

<sup>24</sup> Письмо И. И. Мальшевского к Е. Е. Голубинскому от 8 апреля 1880 г. (ОР РГБ. Ф. 541 (Е. Е. Голубинский). К. 9. Ед. хр. 39. Л. 1-1 об.).

<sup>25</sup> Там же. Л. 2.

<sup>26</sup> *Мальшевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? (По поводу вопроса об этом, поставленного в «Истории Русской Церкви» проф. Голубинского) // Труды КДА. 1882. № 1. С. 45–46.

писному сказанию И. И. Малышевский относился не столь радикально – по крайней мере, он не считал возможным отвергать повествование о совещании князя Владимира с представителями разных вер<sup>27</sup>. Киевский ученый старался и дополнить выводы московского коллеги выявлением времени и места установления торжественного почитания князя Владимира в день его успения 15 июля, приходя к выводу, что оно было установлено не в Киеве, как следовало бы ожидать, а в Новгороде в 1240 г. – именно в этом году 15 июля свершилась победа св. князя Александра Невского<sup>28</sup>. По отзыву И. И. Малышевского – безусловно положительному – на 1-й том «Истории» Е. Е. Голубинскому была присуждена полная Уваровская премия, что означало признание не только духовно-академическим, но и более широким научным сообществом. Следует отметить, однако, что автор отзыва старался смягчить радикализм Голубинского по отношению к летописному сказанию – по крайней мере, не считал возможным отказаться от повествования о выборе князем Владимиром православной веры<sup>29</sup>.

Через год известный собиратель и исследователь древнерусской письменности, выпускник СПбДА (1861) Е. В. Барсов написал Е. Е. Голубинскому открытое письмо<sup>30</sup>, в котором присоединился к ублажению общего подхода автора, который будит интерес и любознательность у всего научного сообщества и служит «рычагом» для дальнейшего развития истории Русской Церкви. Однако Голубинский, проводя кропотливую критику источников, подразумевал такую же работу оппонентов. Поэтому Е. В. Барсов вступался за «Летописную повесть о крещении св. князя Владимира», отказываясь считать ее, вслед за Е. Е. Голубинским, «химической выдумкой какого-то грека» и указывая Голубинскому на недостаточно учтенные им политические отношения Византии и Рима к Руси<sup>31</sup>. Кроме того, Е. В. Барсов считал, что Е. Е. Голубинский недостаточно внимательно подошел к свидетельствам о крещении Новгородских земель, относя их к XIII в. и не замечая прикровенных свидетельств о существовании христианства

<sup>27</sup> См. также ниже о более поздней статье: *Малышевский И. И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды КДА. 1887. № 12. С. 617–654.

<sup>28</sup> *Малышевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира. С. 47–69.

<sup>29</sup> *Малышевский И. И.* Отзыв на работу Е. Е. Голубинского «История Русской Церкви», т. I. М., 1880, представленную на Уваровскую премию. СПб., 1883.

<sup>30</sup> *Барсов Е. В.* Письмо профессору Е. Е. Голубинскому, с возражениями на его книгу «История Русской Церкви» (Т. 1, период до-монгольский; Москва, 1880 г.) М., 1883.

<sup>31</sup> Там же. С. 4–6.



в этом крае уже в 1136 г.<sup>32</sup> Наконец, оппонент не соглашался с оценкой Е. Е. Голубинским уровня просвещения в ранней Киевской Руси: автор «Истории» утверждал, что далее *грамотности* дело не шло, однако с точки зрения Барсова даже один памятник XII в. – «Слово о полку Игореве», который Голубинским явно недооценивался, являлся свидетельством и соответствующего уровня просвещения, и наличия выдающихся авторов, хотя и безымянных<sup>33</sup>. Увы, ответа Голубинского на эти конкретные замечания обнаружить пока не удалось.

Церковная власть отнеслась к труду Е. Е. Голубинского настроенно: утверждение его в докторской степени затянулось на полгода, и успех в значительной степени определило вмешательство митрополита Московского Макария (Булгакова)<sup>34</sup>.

Но и от «академиков» не пришлось очень долго ждать критических отзывов: в 1887 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» появилась небольшая заметка, подписанная инициалами «П. Л.», за которыми несложно разгадать профессора КДА П. А. Лашкарева<sup>35</sup>. Автор заметки с некоторой иронией отмечал особенность подхода Е. Е. Голубинского, особенно ярко сказавшуюся на определении даты и места крещения князя Владимира и киевлян. С точки зрения критика отечественным авторам, причем практически современникам князя Владимира, следует доверять больше, чем «мало говорящему свидетельству, записанному в саге где-то за морем, отстоящим от Киева более, чем на 1000 верст»<sup>36</sup>. И уж тем более, с точки зрения оппонента, совершенно неоправданно ради «сбивчивой хронологии двух темных событий, добавленных кем-то к «Похвалу» мниха Иакова Владимиру, и в угоду иноземным источникам считать «весь рассказ летописи о крещении Владимир и киевлян... сказкой, интересной только для тех, кто, не заботясь ни о чем другом, любит занимательные и замысловатые повести»<sup>37</sup>. Возможно, заметка П. А. Лашкарева была следствием некоторых изменений в российской жизни, которые коснулись и духовной школы: трагическое завершение царствования Александра II, общие нестроения в стране, заметное расцерковление всех слоев общества подействовали отрезвляюще и на государственную, и на церковную

---

<sup>32</sup> Там же. С. 6–10.

<sup>33</sup> Там же. С. 10–17.

<sup>34</sup> Е. Е. Голубинский был утвержден в докторской степени 5 июня 1881 г.

<sup>35</sup> Л. П. Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире // Киевские епархиальные ведомости. 1887. № 9. С. 175–185.

<sup>36</sup> Там же. С. 182.

<sup>37</sup> Там же. С. 181, 185.

власть. Многие проведенные реформы и сопутствующие им тенденции были признаны не только не имевшими успеха, но и вредными. К таковым многими власть имущими – в том числе, обер-прокурором К. П. Победоносцевым, имевшим сильное влияние на духовно-учебную систему, – причислялись реформы духовных школ 1860-х гг. и крайний критицизм в научных исследованиях, так или иначе связанный с этими реформами.

Следствием этого нового устремления стали и знаменитые синодские «Правила для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней» 1889 г.<sup>38</sup>. В них указывалось на недопустимость представления на соискание богословских ученых степеней работ, в которых отрицается, «хотя бы и с видимостью научных оснований», тех событий, к которым «церковное предание и народное верование» привыкли относиться как к достоверным и т.д.<sup>39</sup>. Имен не называлось, но угадать намек на докторскую диссертацию Е. Е. Голубинского не составляло труда.

Спустя почти четверть века духовно-академические исследователи нового поколения постарались вынести более объективную оценку знаковым трудам Е. Е. Голубинского. Так, в 1903 г. его преемник по кафедре С. И. Смирнов, оценивая вклад своего предшественника в историю Русской Церкви и ее методологию, отмечал: «вооруженный молотом критики», Е. Е. Голубинский «пересмотрел и перетрогал все здание своей науки и немало камней, даже лежащих в ее фундаменте, разбил своим беспощадным молотом... Критицизм ученого переходит в скептицизм, когда он касается оценки источников своей науки»<sup>40</sup>. Но признавал и правоту учителя: «критическая обработка источников и сама по себе содействует выяснению исторической истины..., получается возможность твердых научных построений по истории Русской Церкви»<sup>41</sup>.

В том же 1903 г. «свидетельством от внешних», не входивших в духовно-академический круг, стало избрание Е. Е. Голубинского ординарным академиком Академии наук. Наконец, уже после его кончины в 1912 г. член корпорации Петербургского университета М. Д. Приселков, подводя итог многотрудной деятельности Е. Е. Голубинского, отметил

---

<sup>38</sup> «Правила» прилагались к указу Святейшего Синода от 13–30 февраля 1889 г. (см., например: ЖЗС СПбДА за 1888/89 уч. г. С. 123–130, или отд. изд.).

<sup>39</sup> ЖЗС СПбДА за 1888/89 уч. г. СПб., 1894. С. 125, 126.

<sup>40</sup> Смирнов С. И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. СПб., 1903. Ст. 505.

<sup>41</sup> Там же. С. 506.

не только конкретный вклад последнего в развитие истории Русской Церкви – ценные монографии, «к которым еще долго будут обращаться историки, на которых будут учиться, а многие его выводы несомненно усвоить как прочное научное наследство первоклассного мастера», – но и важное значение для исторической науки в целом: «...имея мужество признавать прошедшее таким, каким оно было, стараться, в нарочитое возмещение за него, стать возможно лучшими в будущем»<sup>42</sup>.

Следующим важным моментом в изучении вопросов, связанных с Крещением Руси, стало празднование его 900-летия в 1888 г. В эпоху Александра III вообще были в чести пышные празднования юбилейных дат, значимых для православия и Российского государства, в Крещении же Руси был двойной праздник. Еще осенью 1885 г. – а в этом году читалась память святых первоучителей Кирилла и Мефодия – Славянское благотворительное общество в Санкт-Петербурге поставило вопрос о необходимости начать готовить торжественное празднование этой даты; в начале 1886 г. митрополит Киевский Платон (Фивейский) представил Святейшему Синоду свой проект празднования в Киеве<sup>43</sup>. Порядок празднования с церковной стороны был регламентирован определением Святейшего Синода, изданным в феврале 1888 г., и особым документом «Порядок празднования девятисотлетия крещения русского народа в Киеве»<sup>44</sup>: праздник длился целую неделю (11–17 июля), центром его стал Киев, но значимые мероприятия проводились в Москве и Санкт-Петербурге, а 15 июля церковные торжества прошли во всех храмах России<sup>45</sup>. Для исследователей это был повод не только представить юбилейные панегерики, но вновь сконцентрировать внимание на так и не решенных до конца проблемах. Еще при подготовке празднования киевские церковные историки, исходя из научной корректировки даты, побудили митрополита Платона поставить вопрос о переносе празднования Крещения на 1889 г. Предложение принято не было, хотя определенный резонанс научного сообщества других академий оно имело.

<sup>42</sup> *Приселков М. Д.* Памяти Ев. Ев. Голубинского († 7 Января 1912 г.) // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 2. СПб., 1912. С. 149–150, 155.

<sup>43</sup> О праздновании 900-летия Крещения Руси // Киевские епархиальные ведомости. 1888. № 9–10. 1–8 марта. С. 138–140. См. также: *Буслаев А. И.* Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2010. С. 21–27.

<sup>44</sup> Киевские епархиальные ведомости. 1888. № 9–10. 1–8 марта. С. 138, 139–140.

<sup>45</sup> *Маргаритов С. Д.* К вопросу о значении празднования 900-летнего юбилея Крещения Руси св. Владимиром. [Жишнев, 1888]; *Буслаев А. И.* Имперские... С. 21–27; *Колман Х.* По сценарию властей? / Пер. А. Полунова // Родина. 2015. № 2. С. 72–74.

Но в преддверии и в год торжества был опубликован ряд статей с более или менее «острым» содержанием.

Разумеется, особую ответственность за празднуемое событие чувствовала корпорация КДА. Уже в декабре 1886 г. в «Трудах Киевской духовной академии» были помещены две статьи: профессора КДА В. Н. Малинина о просветительском значении святого князя Владимира и И. А. Линниченко с попыткой систематизации всех полученных результатов по вопросам, связанным с Крещением Руси<sup>46</sup>. Знаменательно, что первая статья была составлена на основе речи, произнесенной на акте в КДА 26 октября 1886 г. – с этого времени тема становилась доминирующей для академической корпорации. Речь В. Н. Малинина была пред-юбилейной – не научно-критической, а пафосной, однако в ней была предпринята важная попытка: ввести деятельность святого князя в контекст современной ему эпохи, поняв, что было обусловлено общим историческим процессом, а что – исключительной личностью самого князя. При этом автор поставил, как минимум, две проблемы. Первая была связана с историческим парадоксом: Русь, явившись в семью христианских народов «работником двенадцатого часа», стала не только великим единым государством, но и опорой всего православного мира. Автор речи усматривал в этом успехе определяющее значение действий князя Владимира, тайну его великой личности, хотя «личность не может создать истории»<sup>47</sup>. Другая проблема была связана с русским просвещением: вся русская культура, письменность, книжность, школьность изначально создавались как христианские, что позволило воспитывать людей «высокого христианского настроения», среди которых были истинные светила знания: мних Иаков, летописец Нестор, митрополит Иларион, книголюбец князь Ярослав, автор «Слова о полку Игореве»<sup>48</sup>.

И. А. Линниченко в прямом смысле слова не мог быть причислен в духовно-академической корпорации, так как был выпускником Киевского, магистром Петербургского и приват-доцентом Новороссийского университетов. Однако, так как он был внуком одного из «столпов» КДА – профессора-протоиерея Иоанна Михайловича Скворцова – «академики» считали его своим и нередко публиковали его статьи в своем журнале. Традиционно отметив серьезные пробле-

---

<sup>46</sup> Малинин В. Н. Владимир св. как просветитель России // Труды КДА. 1886. № 12. С. 654–674; Линниченко И. [А.] Современное состояние вопроса об обстоятельствах Крещения Руси // Там же. С. 587–606.

<sup>47</sup> Малинин В. Н. Владимир св. как просветитель России. С. 662–669.

<sup>48</sup> Там же. С. 670–674.

мы, связанные с изучением подробностей величайшего события в русской истории, он выделял главную – доверчивое отношение к источникам. В свете этого истинно научным изучением указанного события он считал последние несколько лет, особо выделяя труд Е. Е. Голубинского как первое серьезное критическое рассмотрение источников, прежде всего – знаменитой летописи<sup>49</sup>. Из значимых достижений прошедших лет И. А. Линниченко выделял указанные выше дополнения и корректировки И. И. Малышевского к выводам Голубинского (укоряя, правда, киевского ученого в излишней доверчивости к летописному сказанию), издание ориенталистом бароном В. Р. Розеном арабской летописи Яхьи Антиохийского<sup>50</sup> и труды византинистов В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Сопоставляя указанные исследования, И. А. Линниченко пришел к выводу, что внутреннее обращение князя Владимира к христианству совершилось самостоятельно, до сношения с греками по вопросу о браке с царевной Анной; сам же факт крещения и князя Владимира, и Киевской Руси относил к осени 989 г., а местом крещения князя считал Корсунь<sup>51</sup>. При этом автор статьи подчеркивал, что научные выводы о корректировке привычной даты крещения не могут помешать торжественному празднованию юбилея 988 г., привычного всем «со школьной скамьи»<sup>52</sup>.

В следующем 1887 г. корпорация КДА представила еще ряд статей<sup>53</sup>, из которых главный вклад в научно-критическое изучение Крещения состоял в статье И. И. Малышевского о значении варягов в начальной истории христианства в Киеве. Автор, еще раз повторив свои согласия и несогласия с позицией Е. Е. Голубинского – особенно важные в связи с упомянутой выше критической статьей П. А. Лашкарева, – предлагал метод синтеза в работе с источниками: прежде чем отвергать свидетельство одного источника в пользу другого, надо попробовать согласовать их между собой<sup>54</sup>. Прежде всего, И. И. Малышевский старался сохранить летописное сказание о посольствах в истории обращения и крещения князя Владимира, а также о посольстве в Царьград «для

<sup>49</sup> *Линниченко И. [А.] Современное состояние вопроса... С. 588–591.*

<sup>50</sup> Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Изд., пер и комм. В. Р. Розена. СПб., 1883.

<sup>51</sup> *Линниченко И. [А.] Современное состояние вопроса... С. 600–605.*

<sup>52</sup> Там же. С. 606.

<sup>53</sup> *Петров Н. И.* Археологические заметки // Труды КДА. 1887. № 1. С. 131–139; № 2. С. 298–312; № 7. С. 64–94; *Малышевский И. И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды КДА. 1887. № 12. С. 617–654; *Л[ашкарев] П.* Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире. С. 175–185.

<sup>54</sup> *Малышевский И. И.* Варяги в начальной истории христианства... С. 629.

осмотра вер». Совмещая источники русские, в том числе предания о варягах-христианах Печерского Патерика и саги о варягах (прежде всего, сагу об Олаве), Малышевский приходил к выводу о великом значении варягов как посредников между Русью и греками и пособников в просвещении Руси христианством<sup>55</sup>. Свою статью И. И. Малышевский, разумеется, не считал итогом, напротив – видел в ней своего рода вызов, ожидая «замечаний компетентных исследователей»<sup>56</sup>.

Сам юбилейный год корпорация КДА ознаменовала целым циклом статей<sup>57</sup> и юбилейным сборником, хотя предполагалось сделать еще больше, а именно: предпринять научное критическое издание источников, связанных с жизнью и деятельностью святого князя Владимира. Но последнее требовало слишком много времени, средств, поэтому этот проект был оставлен на будущее. И в этом комплексе следует обратить внимание на статью И. И. Малышевского, в которой автор, путем сравнения греческих и русских сказаний о хождении апостола Андрея, попытался спасти от «молотка» Е. Е. Голубинского факт участия Христова апостола в христианском просвещении Руси, хотя и в частичной форме. Находя основания для признания «исторической истиной» проповедь святого Андрея по Черному или Понтийскому морю, «эллинам здешней Скифии и скифам», Малышевский предполагал, что среди скифских племен могли быть и славяне, «предки той или другой ветви последующих *Русских славян*»<sup>58</sup> [курсив И. И. Малышевского – Н. С.]

---

<sup>55</sup> Там же. С. 637-638, 650-654.

<sup>56</sup> Там же. С. 650.

<sup>57</sup> *Завитневич В. З.* 1) О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды КДА. 1888. № 1. С. 126-152; 2) Великий князь Киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских подвигов // Там же. № 3. С. 369-391; 3) Владимир Святой, как политический деятель // Там же. № 6. С. 351-441; № 8. С. 635-755; *Малышевский И. И.* 1) Сказание о посещении русской страны св. Апостолом Андреем // Там же. № 6. С. 300-350; 2) Речь, сказанная в торжественном собрании Киевской духовной академии 14 июля 1888 года по случаю исполнившегося девятистолетия со времени крещения России // Там же. № 8. С. 756-771; *Глазунов П.* Храмы, построенные св. Владимиром и другими в его время // Там же. № 6. С. 167-253; *Петров Н. [И.]* 1) Обзорение сделанного Киевскою Академией по изучению эпохи св. Владимира // Там же. С. 254-299; 2) Древние изображения св. Владимира // Там же. № 7. С. 443-462; 3) Чествование памяти св. Владимира на юге России и в частности в Киеве // Там же. С. 594-616; *Калинников В.* Митрополиты и епископы при св. Владимира // Там же. С. 463-593; *Голубев С. Т.* Суждения и отзывы иностранной печати по поводу празднования в Киеве 900-летнего юбилея крещения Руси // Там же. № 9/10. С. 304-328.

<sup>58</sup> *Малышевский И. И.* Сказание о посещении русской страны св. Апостолом Андреем. С. 349-350.



Напротив, жесткой позицией выделяются в этом комплексе статьи В. З. Завитневича. В первой статье, написанной в ответ на упомянутую выше статью П. А. Лашкарева 1887 г., Завитневич обличал своего коллегу по академии в противлении истинным научным выводам<sup>59</sup>, летописную повесть о Крещении Руси называл «полной легендарного вымысла» и поддерживал датировку Е. Е. Голубинского: крещение князя Владимира – 987 г., киевлян – 990 г.<sup>60</sup> При этом он делал акцент на том, что «время крещения Владимира обуславливалось... политическими обстоятельствами и было актом совершенно неожиданным» – не для самого князя, а для народных масс. Во второй своей статье, о святом Владимире как политическом деятеле, В. З. Завитневич реализует заявленное желание посмотреть на события, связанные с принятием и распространением христианства на Руси, с политической точки зрения, сравнивая мотивы и действия князя Владимира с таковыми Петра I. Любопытен вывод В. З. Завитневича, возвеличивающий князя Владимира в сравнении с Петром: «между разумным пользованием плодами высшей цивилизации и неразборчивым подражанием всему иностранному лежит целая пропасть»<sup>61</sup>. При этом, несмотря на скудость источников, автор статьи все же выявил в действиях великого князя необычайную чуткость к промыслу Божию, что дало ему основание свидетельствовать, что князю Владимиру «в одинаковой степени принадлежит титул мудрого, как и святого»<sup>62</sup>. Следует обратить внимание и на результирующее заключение автора этой статьи: состояние источников на момент 900-летия Крещения Руси он считал плачевным, неизбежно подразумевающим субъективность выводов при самом тщательном их изучении; однако выражал надежду на то, что к моменту празднования 1000-летия Крещения ученые будут располагать «новыми богатыми научными данными», что позволит им «сказать последнее слово по тем вопросам, которые теперь никак не поддаются нашему решению»<sup>63</sup>.

Несмотря на то, что большая часть киевских историков склонялась к определению даты Крещения Руси 989 г., и в этой среде было противостояние. Так, после указанной выше первой статьи В. З. За-

<sup>59</sup> Завитневич В. З. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. С. 126-127.

<sup>60</sup> Там же. С. 151-152. См. также: Завитневич В. З. Владимир Святой, как политический деятель. № 6. С. 352-353.

<sup>61</sup> Завитневич В. З. Владимир Святой, как политический деятель. № 7. С. 753.

<sup>62</sup> Там же. С. 754.

<sup>63</sup> Там же. С. 755.

витневича в рамках исторического общества Нестора-летописца, в котором состояли профессора и Киевского университета, и КДА разгорелись жаркие дискуссии о времени крещения святого Владимира и Руси, причем твердыми сторонниками верности традиционной дате Крещения – 988 г. – выступили профессор КДА С. Т. Голубев и профессора Киевского университета А. И. Соболевский и Ф. Я. Фортинский. Дискуссия вышла за пределы Киева, и к ней подключились столичные журналы «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Странник» и «Журнал Министерства народного просвещения»<sup>64</sup>.

Разумеется, к 900-летию крещения и другие академии постарались сделать свой вклад в общее дело. Из статей, появившихся на страницах духовных журналов, следует отметить цикл статей Н. Левитского, публиковавшийся в «Христианском чтении» на протяжении 1888-1891 гг.<sup>65</sup>. Автор не претендовал на какие-то новые идеи и открытия, но старался провести еще одну систематизацию всех известных на момент написания его статей источников, а также позиций авторов исследований по ключевым вопросам, связанным с Крещением. Автор проделал большую работу, заключив ее в своей версии последовательности и причинности фактов, связанных с крещением: дата крещения князя Владимира признавалась им неопределимой с точностью, крещение киевлян он относил к 990 г.<sup>66</sup>. Но указанная выше дискуссия, захватившая не только Киев, но и Петербург, побудила автора вернуться к теме и опубликовать еще ряд статей, подвергая известные источники новому рассмотрению и реагируя на полемические замечания.

Итогом рассматриваемому периоду стало начало XX в. В 1903 г. А. В. Карташев, проводя общую систематизацию накопленного пласта исследований по истории Русской Церкви, начиная с XVIII в. и завершая современными ему трудами, обратил внимание и на ее ранний период. Общий его вывод сугубо можно отнести к интересующим нас

---

<sup>64</sup> Левитский Н. 1) К вопросу о времени крещения св. Владимира и Руси // ХЧ. 1888. № 7/8. С. 161; 2) Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные // Там же. 1890. № 3/4. С. 371-373.

<sup>65</sup> Левитский Н. 1) К вопросу о времени крещения св. Владимира и Руси // ХЧ. 1888. № 5/6. С. 596-648; № 7/8. С. 100-161; 2) Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные // Там же. 1890. № 3/4. С. 370-421; № 5/6. С. 687-740; № 7/8. С. 147-174; № 9/10. С. 318-368; 3) Несколько слов по поводу заметки проф. Соболевского // Там же. № 11/12. С. 677-688; 4) Ответ г. Матченко на статью «Спорные вопросы по истории крещения Руси» // Там же. 1891. № 11/12. С. 470-477.

<sup>66</sup> Левитский Н. К вопросу о времени крещения св. Владимира и Руси. № 7/8. С. 158-159.



вопросам: наука в этой области еще не накопила «критической массы» и «едва приближается к возможности ее цельного синтетического построения, к имеющей явиться в будущем “философии истории Русской Церкви”»<sup>67</sup>. Позволим себе добавить к словам петербургского историка еще одну перспективу – и «богословия истории».

Новым стимулом обращения к вопросам Крещения послужил новый юбилей – 900-летие со дня блаженной кончины святого князя Владимира<sup>68</sup>. Но так как эта дата – 1915 г. – совпала с одним из самых напряженных моментов в Первой мировой войне, особенно для колыхали русского христианства – Киева – не получилось ни полноты торжества, не было внушительных вкладов и в научное осмысление этого события<sup>69</sup>. Тем не менее, эту веху стоит отметить как последний штрих в дореволюционных исследованиях нашей ранней истории.

Таким образом, введение в церковную историю научно-критических методов побудило подвергнуть сомнению ключевые моменты в истории начальных веков христианства на Руси, проверить все источники, факты «молотком» историко-критического анализа и разрушить устоявшиеся стереотипы. Пристальный анализ отечественных источников помог глубже понять значение принятия христианской веры для Руси, сформировавшейся в культурном, литературном, нравственном, духовном отношениях на ниве восточного христианства, при этом обогатившей эту традицию своими особенностями. Привлечение широкого круга иноземных источников – греческих, славянских, арабских, норвежских, западно-европейских – позволило осознать крещение Руси как факт не только отечественной, но и мировой истории, оценить важность Киевской Руси, казалось бы, невежественной и непросвещенной, для великих держав того времени.

Несмотря на титаническую работу, проделанную нашими предшественниками, по многим важнейшим вопросам – дата и место крещения князя Владимира, Киева, других областей древней Руси –

---

<sup>67</sup> *Карташев А. В.* Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // ХЧ. 1903. № 7. С. 93.

<sup>68</sup> 900-летие кончины святого и равноапостольного князя Владимира (1015-1915 гг.) / Сост. свящ. Константин Корольков. Киев, 1915.

<sup>69</sup> Среди работ «академиков» стоит отметить лишь работы выпускника: *Пархоменко В. А.* 1) Древнерусская княгиня святая равноапостольная Ольга (вопрос о крещении ее). Киев, 1911; 2) Начало христианства на Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава, 1913; и рецензию В. З. Завитневича на монографию М. Д. Приселкова: *Завитневич В. З.* [Рец. на:] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913 // Труды КДА. 1914. № 4. С. 628–651.

так и не было получено единых выводов. Однако можно согласиться с мнением, неоднократно высказывавшихся в указанных выше исследованиях: немалую ценность представляют сами постановки вопросов, новые, иногда дерзкие, мнения, будящие научную мысль и заставляющие вновь и вновь подвергать анализу и сопоставлению источники, проверять факты. Обширный комплекс исследований, наследниками которого мы являемся, при внимательном изучении учит не только тщательности в изучении древних источников, но и культуре мысли и научной дискуссии.

Кроме того, исследования ранних веков русского христианства поставили проблемы, выходящие за пределы собственно вопросов Крещения, а связанные с церковно-историческими исследованиями как таковыми. Эти общие проблемы, в которых можно выделить три уровня, должны быть пересмотрены в свете современной науки.

1. Наиболее простым и «архаичным» уровнем представляются ныне опасения церковной власти относительно разрушения народного благочестия вследствие критической оценки «незыблемых истин», восплаемых витиями, составлявших предмет национальной и конфессиональной гордости и опору народной веры. Если авторы научных трудов по церковной истории конца XIX – начала XX в. отстаивали право науки, которая не может руководствоваться опасениями поколебать веру «неискушенных чад Церкви», то в наши дни, напротив, перед церковной наукой стоит задача своими исследованиями убедить современников в достоверности фактов христианского прошлого Руси.

2. Второй проблемный уровень связан с введением в церковную историю научно-критических методов, подвергавших сомнению те или иные моменты истории и разрушавших устоявшиеся концепции, обещая синтез лишь в далекой перспективе. «Молоток» историко-критического анализа разбивал изучаемое на отдельные факты и частные мнения, «простукивая» каждое из них на предмет достоверности и истинности. При этом разнообразие мнений в уточнении конкретных фактов и их причинно-следственных связей не позволяли провести богословский синтез, и исследователь нередко становился «жертвой» своего исследования, оставаясь в исторической «мастерской» и не получая «богословия истории».

3. Наконец, наиболее сложным представляется третий проблемный уровень: связанные с ним вопросы неоднократно вставляли при защитах академических диссертаций. Беспристрастие авторов, не задававшихся заранее какой-либо идеей, а исторически следивших за явлениями и событиями, вполне естественно обращали внимание на исторические события, временные черты, что рано или поздно стави-

ло вопрос о проявления высшего промысла Главы Церкви, сотериологической направленности история Церкви как «корабля спасения».

Особая опасность в разрушении целостного восприятия истории виделась для духовной школы: вместо связного изучения истории отечественной Церкви, которая должна вдохновлять будущих пастырей и богословов, давать им опору и примеры для будущего церковного служения, гордость за отечество, несформировавшиеся юношеские умы ввергались в проблемное «дышащее море», в котором могли захлебнуться или почувствовать страх перед этой историей.

С этим был связан и вопрос о конфессиональности или аконфессиональности церковной истории, соотношении конфессиональной позиции исследователя и его научной объективности. Церковная история – и, может быть, в первую очередь изучение ранних веков русского православия – стала «зоной риска», в которой особое значение приобретала личность самого исследователя, обладающего церковным и аскетическим опытом, способного сохранять правильную иерархию критериев, понимать ограниченность критических методов и определять область их применения.

#### **Источники и литература:**

1. ОР РГБ. Ф. 541 (Е. Е. Голубинский). К. 9. Ед. хр. 39. Письма И. И. Малышевского к Е. Е. Голубинскому.
2. РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. Об изменении порядка учения в Санкт-Петербургской духовной академии.
3. 900-летие кончины святого и равноапостольного князя Владимира (1015-1915 гг.) / Сост. свящ. Константин Корольков. Киев, 1915.
4. Барсов Е. В. Письмо профессору Е. Е. Голубинскому, с возражениями на его книгу «История Русской Церкви» (Т. 1, период до-монгольский; Москва, 1880 г.) М., 1883.
5. Беляев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 9 кн. Кн. I. М., 1994. С. 33-80.
6. Булаев А. И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие Крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2010.
7. Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ II. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556.
8. Глазунов П. Храмы, построенные св. Владимиром и другими в его время // Труды КДА. 1888. № 6. С. 167-253.
9. Голубев С. Т. Суждения и отзывы иностранной печати по поводу празднования в Киеве 900-летнего юбилея крещения Руси // Труды КДА. 1888. №9/10. С. 304-328.
10. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1880;

переизд.: М., 1997.

11. *Голубинский Е. Е.* Обращение всей Руси в Христианство Владимиром и совершенное утверждение в ней христианской веры при его приемниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Т. 190. № 3. Отд. 2. С. 100-163; Т. 191. № 5. Отд. 2. С. 26-47.

12. *Голубинский Е. Е.* Христианство в России до Владимира Святого // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Т. 187. № 9. Отд. 2. С. 46-84; № 10. Отд. 2. С. 133-169.

13. Докторский диспут Е. Е. Голубинского в Московской духовной академии // Православное обозрение. 1881. Т. I. № 1. С. 147-178.

14. *Евгений (Болховитинов), митр.* Историческое исследование об иерархах Российской Церкви. Киев, 1834.

15. *Евгений (Болховитинов), митр.* Киевский месяцеслов с присовокуплением разных статей, к российской истории и Киевской иерархии относящихся. Киев, 1832.

16. *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киевософийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825.

17. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич. М., 2009.

18. ЖЗС СПбДА за 1888/89 уч. г. СПб., 1894.

19. *Завитневич В. З.* [Рец. на:] Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913 // Труды КДА. 1914. № 4. С. 628-651.

20. *Завитневич В. З.* Великий князь Киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских подвигов // Труды КДА. 1888. № 3. С. 369-391.

21. *Завитневич В. З.* Владимир Святой, как политический деятель // Труды КДА. 1888. № 6. С. 351-441; № 8. С. 635-755.

22. *Завитневич В. З.* О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды КДА. 1888. № 1. С. 126-152.

23. Именной, данный Синоду указ от 26 июня 1808 г. «Об усовершеннии духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства» // ПСЗ I. Т. XXX. СПб., 1830. № 23122. С. 368-395.

24. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Изд., пер и комм. В. Р. Розена. СПб., 1883.

25. *Калинников В.* Митрополиты и епископы при св. Владимира // Труды КДА. 1888. № 7. С. 463-593.

26. *Карташев А. В.* Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // ХЧ. 1903. № 6. С. 77-93; № 7. С. 909-922.

27. Киевские епархиальные ведомости. 1888. № 9-10. 1-8 марта. С. 138, 139-140.

28. *Колман Х.* По сценарию властей? / Пер. А. Полунова // Родина. 2015. № 2. С. 72-74.

29. Кузмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988.
30. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988.
31. Л[аишкарев] П. [А.] Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире // Киевские епархиальные ведомости. 1887. № 9. С. 175–185.
32. Левитский Н. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные // ХЧ. 1890. № 3/4. С. 370–421; № 5/6. С. 687–740; № 7/8. С. 147–174; № 9/10. С. 318–368.
33. Левитский Н. К вопросу о времени крещения св. Владимира и Руси // ХЧ. 1888. № 5/6. С. 596–648; № 7/8. С. 100–161.
34. Левитский Н. Несколько слов по поводу заметки проф. Соболевского // ХЧ. № 11/12. С. 677–688.
35. Левитский Н. Ответ г. Матченко на статью «Спорные вопросы по истории крещения Руси» // ХЧ. 1891. № 11/12. С. 470–477.
36. Линниченко И. [А.] Современное состояние вопроса об обстоятельствах Крещения Руси // Труды КДА. 1886. № 12. С. 587–606.
37. Макарий (Булгаков), архим. Взгляд на историю Русской Церкви до нашествия татар. СПб., 1847.
38. Макарий (Булгаков), архим. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1846.
39. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 9 кн. Кн. I. М., 1994.
40. Малинин В. Н. Владимир св. как просветитель России // Труды КДА. 1886. № 12. С. 654–674.
41. Мальшевский И. И. Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды КДА. 1887. № 12. С. 617–654.
42. Мальшевский И. И. Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? (По поводу вопроса об этом, поставленного в «Истории Русской Церкви» проф. Голубинского) // Труды КДА. 1882. № 1. С. 45–46.
43. Мальшевский И. И. Отзыв на работу Е. Е. Голубинского «История Русской Церкви», т. I. М., 1880, представленную на Уваровскую премию. СПб., 1883.
44. Мальшевский И. И. Речь, сказанная в торжественном собрании Киевской духовной академии 14 июля 1888 года по случаю исполнившегося девяностолетия со времени крещения России // Труды КДА. 1888. № 8. С. 756–771.
45. Мальшевский И. И. Сказание о посещении русской страны св. Апостолом Андреем // Труды КДА. 1888. № 6. С. 300–350.
46. Маргаритов С. Д. К вопросу о значении празднования 900-летнего юбилея Крещения Руси св. Владимиром. [Кишинев, 1888].
47. Минин И. В. Крещение Руси в трудах отечественных историков XVIII – начала XX веков: дисс. канд. ист. наук. СПб., 1999.
48. О праздновании 900-летия Крещения Руси // Киевские епархиальные ведомости. 1888. № 9–10. 1–8 марта. С. 138–140.

49. *Пархоменко В. А.* Древнерусская княгиня святая равноапостольная Ольга (вопрос о крещении ее). Киев, 1911.
50. *Пархоменко В. А.* Начало христианства на Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава, 1913.
51. *Петров Н. И.* Археологические заметки // Труды КДА. 1887. № 1. С. 131–139; № 2. С. 298–312; № 7. С. 64–94.
52. *П[етров] Н. [И.]* Древние изображения св. Владимира // Труды КДА. 1888. № 7. С. 443–462.
53. *П[етров] Н. [И.]* Обзорение сделанного Киевскою Академией по изучению эпохи св. Владимира // Труды КДА. 1888. № 6. С. 254–299.
54. *П[етров] Н. [И.]* Чествование памяти св. Владимира на юге России и в частности в Киеве // Труды КДА. 1888. № 7. С. 594–616.
55. Письма епископа Филарета к А. В. Горскому // Прибавления к Творениям святых отцов. 1885. Ч. XXXVI. Кн. 3. С. 142.
56. *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история, сочиненная преосвященным Платоном, митрополитом Московским в Вифании: В 2 т. Т. II. М., 1805.
57. *Платон (Левшин), митр.* Краткая церковная российская история: В 2 т. М., 1805.
58. *Приселков М. Д.* Памяти Ев. Ев. Голубинского († 7 Января 1912 г.) // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 2. СПб., 1912. С. 149–155.
59. *Рапов О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988.
60. Русское Православие. Вехи истории / Под ред. А. И. Клибанова. М., 1989.
61. *Смирнов С. И.* Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. СПб., 1903. Ст. 502–508.
62. *Филарет (Гумилевский), еп.* История Русской Церкви: В 5 ч. М.; Рига, 1847–1848; М., 1888<sup>5</sup>.
63. *Филарет (Дроздов), архим.]* Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви. СПб., 1815; переизд.: *Филарет (Дроздов), митр.* Творения. М., 1994. С. 397–462.